

В середине августа Кнут Гамсун появился во втором по величине норвежском городе Бергене, где он должен был сесть на пароход, отправляющийся до Копенгагена, здесь он впервые в жизни посетил большой книжный магазин и пережил настоящий шок. Он понял, что безнадежно отстал в своем чтении. До этого момента он, прежде всего, читал те книги, которые знал и любил, романтические крестьянские повести, тогда как в ведущих литературных кругах давно укрепилось мнение о необходимости развития реалистического направления.

Более трети оставшихся денег Гамсун потратил на приобретение книг. Чтение их повергло его в ужас. Двадцатилетний Гамсун осознал, что ему следует решительно переработать свои произведения: сборник «Звон мечей», «Фриду» и еще одну историю о бедном парне, который ухаживал за дочерью богача, прежде чем он представит их в Копенгагене издателю Ибсена Хегелю¹².

И он уединился в Эстезе, маленьком местечке на берегу Хардангерфьорда.

Он стал размышлять о своей речи, о том, на каком языке он говорит. Ни диалект горной страны его родителей, ни говор полуострова Хамарёй никак не устраивали его ни в литературном, ни в социальном плане. Его устная и письменная речь должны стать единым целым.

Кнут Гамсун стал серьезно задумываться над тем, какое впечатление производит на людей, старался выглядеть загадочным.

В пансионе, где он поселился, часто собиралась свободомыслящая, политически ангажированная молодежь и Гамсун начал так самоуверенно просвещать других, что многие почувствовали себя задетыми. Им и в голову не могло прийти, что он просто приобрел и изучил двухтомную биографию лорда Байрона, написанную немцем Карлом Эльзе.

Когда он оставался наедине с самим собой, его, несомненно, посещали мрачные мысли. Достаточно ли он преуспел к настоящему времени? В это время Гамсун приобрел дурную привычку, которая будет сопровождать его в течение долгих лет: как только появлялись деньги, он начинал их транжирить. По прошествии трёх месяцев он истратил большую часть денег, полученных в долг. И теперь, находясь в отчаянном положении, он набрался нахальства и попросил своего мецената Цаля одолжить ему сверх того еще четыреста крон. И это в те времена, когда для рабочего дневной заработок в крону считался хорошим. Невероятно, но деньги он получил.

В преувеличенных выражениях Гамсун поблагодарил Цаля и пообещал ему, что когда-нибудь, когда он прославится, он не забудет прославить и имя Цаля, которому он обязан¹³.

Накануне Рождества 1879 года он оказался в центре Копенгагена, где располагался торговый отдел «Гюльдендаля» и решил поселиться неподалеку. На следующий день ранним утром, надев свой лучший костюм, Гамсун отправился с рукописью к издателю¹⁴.

Придя туда, он заявил о своем желании поговорить непосредственно с самим Фредериком Вильгельмом Хегелем, и его провели в приемную. Издатель еще не пришел. Приемная была разделена на две части стойкой с откидной доской. Рядом с ним стоял какой-то датчанин, он препирался с сотрудником из-за сво-

ей рукописи. Через девять лет Гамсун познакомится с ним. Этим человеком оказался Герман Банг*.

Наконец, появился Хегель. Человек лет шестидесяти, похожий на священника. Началась беседа. Хегель был приветлив, но не поднял конторский барьер и не пригласил посетителя, проделавшего столь долгий путь, пройти в свой кабинет. Гамсуна попросили зайти на следующий день.

Однако напрасно на следующее утро он ждал встречи с Хегелем. В конце концов он поведал о своем деле конторскому служащему, и тот вынес ему сверток. На вопрос, что это значит, служащий объяснил, что рукопись отвергнута.

Гамсун открыл сверток.

Ни единого слова от редактора. Этого всемогущего издателя даже невозможно увидеть. Произошло это или перед самым Рождеством 1879 года или через несколько дней после него.

Двадцатилетний юноша, Гамсун, вышел навстречу жизни в большом городе. В питейном заведении «Преисподня» он дважды выпил на брудершафт с хозяйкой, изображая из себя прожигателя жизни.

В Копенгагене у него не было ни единой знакомой души.

Он был максимально далек от литературной жизни, никогда в жизни не был знаком ни с одним писателем, и лишь недавно познакомился с людьми, которые говорили о литературе, читали книги, как классиков, так и современных писателей. Ему-то лишь иногда случалось читать книжные рецензии в газетах, он ни разу не был на литературной лекции или в театре. В Бергене он впервые в жизни посетил настоящий книжный магазин.

Его знания о литературе оставляли желать лучшего. Конечно же, Гамсун читал книги ради удовольствия, а позднее ради обретения знаний, но он безнадежно отставал от тех, кто предлагал свои рукописи. У многих за спиной было по крайней мере среднее образование и солидный читательский багаж, некоторые из них писали в газетах, как например, Герман Банг, которого Гамсун встретил в приемной у Хегеля. В том году датчанин опубликовал сборник «Реализм и реалисты». В его статьях обсуждались проблемы смены литературных поколений, полемика

в ученой среде Копенгагенского университета в связи с назначением радикала Георга Брандеса доцентом, а также представители нового поколения писателей, такие как Золя и Бальзак, которые отстаивали реалистические принципы в литературе и творчестве в целом.

Двадцатилетний юноша из Нурланна предстал перед светлыми очами издателя Ибсена с рукописью, текст которой пестрел стереотипами, заимствованными из романтических крестьянских повестей его кумира и соотечественника Бьёрнстjerne Бьёрнсона. Но они были написаны двадцать лет назад и совершенно очевидно, что с реалистическими произведениями Гамсун еще не соприкасался.

В это время Ибсен написал новую пьесу «Кукольный дом», которая уже шла в Королевском театре. Конфликт между супругами Норой и Хельмером происходил в той среде, о которой молодой Гамсун не имел ни малейшего представления. С широко раскрытыми глазами бродил он по театральному фойе, наблюдая за принадлежащими к классу буржуазии мужчинами и женщинами, которые вели себя так свободно и независимо.

Вероятно, в это время он спрашивал себя, а мог ли бы и он стать частью этой жизни. Его социальные амбиции были гораздо ниже уровня его литературных притязаний. Он попытался связаться и с другими издателями в Копенгагене, а также и с одним норвежским поэтом, представителем национального романтизма. Те, кто снизошел до ответа, объясняли, что написанное им укладывается в рамки того жанра, который уже безвозвратно принадлежит прошлому. Многие указывают на то, что он не верил подобным отзывам. Что касается профинансировавшего его поездку Цаля, то Гамсун объяснил ему сложившуюся ситуацию следующим образом: Хегель из «Гюльдендала» отверг рукопись «Фриды», потому что ее автор следует здесь традиции Бьёнстjerne Бьёрнсона, которого ненавидят его датские собратья по перу¹⁵.

Он решил обратиться к Бьёрнсону, своему кумиру, который, как ему казалось, вполне мог помочь юному дарованию.

Бьёрнсон и Ибсен соперничали между собой, борясь за место самого великого писателя Норвегии. В сфере общественной жизни положение Бьёрнсона было уникальным, он постоянно высказывался по всем значительным поводам и оставался аб-

* Герман Банг (1847–1912) — выдающийся датский писатель, импрессионист.

солютно непререкаемым авторитетом. Бьёрнсон активно участвовал в международных дискуссиях и часто бывал в других странах: Германии, Франции, Италии... Что касается Ибсена, то он вообще не приезжал в Норвегию с тех пор, как с горечью в сердце покинул ее в 1864 году.

Отвергнутый издателями Гамсун решил посетить Бьёрнсона, который купил себе прекрасную усадьбу неподалеку от Лиллехаммера. Это было в начале 1880 года.

Он передал рукопись Бьёрнсону, и тот предложил зайти за ней через день — другой. При этом Бьёрнсон неожиданно, прямо на месте, принялся листать рукопись, а потом быстро и аккуратно сложил странички в пачку и вернул ее автору, дав понять, что, по его мнению, рукопись не представляет интереса¹⁶.

Бьёрнсон посоветовал Гамсуну вместо литературного творчества стать актером и снабдил его рекомендательным письмом к одному из известных артистов. Тот дал ему контрамарку. Таким образом он начал свое знакомство с театром, той сферой искусства, которую, по собственному признанию, он так мало знал. И тем не менее у него сразу же сформировались свои собственные, весьма резкие, суждения об Ибсене и других драматургах. Потребность к самовыражению была велика, но тщетно пытался он напечататься в газетах и журналах.

В первые месяцы своего пребывания в Кристиании Гамсун был вынужден одну за другой отдавать в заклад принадлежащие ему вещи: часы, зимнее пальто. И книги, в первую очередь книги, их у него было более ста. Он часто присутствовал на аукционах, если его вещи попадали в хорошие руки, для него это было не так мучительно¹⁷.

И снова он решился обратиться за помощью к Бьёрнсону, на этот раз послав ему письмо. Он просил его помочь найти работу, которая могла бы обеспечить ему хлеб насущный¹⁸. Видимо, письмо произвело впечатление, так как весьма занятый Бьёрнсон взял на себя лишние хлопоты чтобы помочь Гамсуну и обратился к Улафу Скавлану, профессору литературы университета Осло. Профессор прочитал присланную ему лирику и прозу, и наконец-то впервые с того момента, как Гамсун покинул родные края, он получил положительный отклик на свое творчество. Профессор дал письменный отзыв, из которого следовало, что «автор незре-

лый, но подает большие надежды». Улаф Скавлан просил друзей и знакомых помочь юноше улучшить образование, может быть, путем частных уроков, чтобы потом получить аттестат средней школы¹⁹. Одним из тех, кто откликнулся на призыв профессора, был аптекарь Харальд Таулов, который стал давать новоявленному поэту конторскую работу. Гамсун также стал бывать в доме аптекаря, общаться с членами его семьи и представителями буржуазных кругов Кристиании. В этом разнородном кругу, состоявшем из торговцев, предпринимателей, чиновников, преподавателей, ученых, обер-офицеров, всех тех, кто и составлял высший слой буржуазии в тогдашней норвежской столице, которая все еще оставалась небольшим городом, становилось все больше и больше тех, кто считал Кнута Гамсуна значительной личностью среди молодых неимущих интеллектуалов, которые заслуживали материальной поддержки.

Они быстро обнаружили, что он необразован, что было, правда, неудивительно. Его резкие суждения вызывали раздражение даже у самых терпеливых. Женщины считали, что он обладает грубым шармом, и он вел себя так, как будто бы не понимал, что ни для кого не является подходящей партией.

Менее чем за год он растратил сумму, равную восьмилетнему жалованью помощника ленсмана. Кредиторы у него были всюду — от Будё на севере, до Кристиании и Копенгагена на юге. Слухи о его мотовстве приводили к тому, что все больше и больше дверей закрывалось перед ним.

Многие в Нурланне предостерегали его от соблазнов городской жизни.

Он вырос в сельском сообществе, где стоящие и наверху и внизу общественной лестницы постоянно общались между собой, где землевладелец и арендатор, безземельный батрак и тот, кто находился на содержании прихода, все едят за одним столом, все они взаимосвязаны и взаимозависимы, потому что так или иначе причастны одному общему делу — вместе возделывают землю.

Теперь, в своей городской гавани, он встретился с гораздо более жестоким образом жизни, прежде всего потому что здесь можно стремительно возвыситься и также быстро упасть. Он пытался обращаться к издателю Ибсена а также и другим, предлагая им лучшее из написанного. Они вели себя доброжелательно, но рукописи отвергали. Ведь в своих произведениях он изображал

тот мир, который был не ведом и совершенно не понятен и датским и норвежским издателям: жизнь крестьянского сообщества на самом севере, за полярным кругом. Несомненно, он начал понимать, что он не может продолжать сочинять в прежнем духе. Он должен писать в современном стиле, писать для тех, кто живет в городе. Те, кто издавал и покупал книги, конечно же, хотят читать о самих себе.

Он посещал театры, так же как и дешевые кабаки, чтобы потом возвращаться в свое убогое жилище, где он был вынужден затыкать уши шариками, скатанными из обрывков газет, чтобы не слышать проявления грубой жизни вокруг. Он жил и работал в тесной каморке. Однажды он решил описать эту свою двойную жизнь.

Он показал написанное жене аптекаря Нине Таулов. Она была начитанной женщиной, дружила с Бьёрнсоном и другими писателями. Он надеялся, что она оценит его литературный дар.

Позднее она сетовала Бьёрнсону: «Я попыталась было углубиться в его сочинения, но почувствовала себя абсолютно обескураженной, я обнаружила в этих рукописях лишь напыщенность, и невразумительность»²⁰. Бьёрнсон тоже не верил в Гамсуна.

Но его переживания и впечатления не пропали даром, через десять лет они принесли свои плоды, оказавшись бесценным материалом для творчества писателя, найдя свое воплощение в романе в «Голод».

А жена аптекаря, так и не поняла сколь фундаментально она заблуждалась в своих суждениях.

В то время как происходила не очень лестная для молодого Гамсуна переписка между женой аптекаря и Бьёрнсоном, несчастный автор попытался свести знакомство с еще одним представителем столичной буржуазии — с директором дорожного строительства. Это знакомство не принесло ему ожидаемого места конторщика. Директор направил сомнительного сочинителя туда, где как он полагал, тому и надлежит находиться: определил рыть землю.

Кнуту Гамсуну ничего не оставалось, как с благодарностью принять такое предложение и начать работу на строительстве дороги в районе северной части озера Мьёса, самого большого озера в Норвегии. Он прибыл туда в мае 1880 года.

С первого дня он стал там примечательной личностью.

На него невозможно было не обратить внимание. На общем фоне он резко выделялся своими золотистыми волосами, которые почти доставали до плеч, у него не было, как у других, рабочей одежды, вместо нее он носил старый, залатанный костюм, явно принадлежавший кому-то из обеспеченного сословия, говорил он языком культурного человека, вплетая, правда, в свою речь гюдбрандсдальские и нурланнские словечки.

Через короткое время он продвинулся до должности некоего табельщика, распределяющего работу. Теперь он стоял на горе вырытой земли с бумагой и карандашом. Умение хорошо писать дало ему возможность подняться по социальной лестнице, но, увы, не изменило его экономического положения. Он оказался на мели, без денежных средств и потенциальных кредиторов. Чтобы не замерзнуть он надевал все имеющиеся у него четыре рубашки и прокладывал между ними газеты. Не лучше было с едой и кровом²¹.

В начале нового, 1881 года, состоятельные люди вновь открыли перед ним свои двери.

Однажды он шел к себе домой, рядом с ним остановился экипаж — какой-то элегантный, хорошо одетый господин предложил ему сесть рядом с ним. Это был управляющий спичечной фабрикой, он, как и все, был наслышан о некоем литераторе в сильно поношенной, но дорогой одежде, работавшем на строительстве дороги.

За время недолгой беседы по дороге, управляющий был настолько очарован личностью Гамсуна, что тут же пригласил его к себе домой. Приверженец прекрасного в четырех надетых одна на другую рубашках с прокладками из газет, в рединготе* почти до пят, он помылся и получил приличную одежду. Благодаря этой случайной встрече он проделал путь из весьма скромного жилища рабочего до богатого дома управляющего. Это дало ему и работу настоящего конторского служащего. Считая тачки с гравием днем и вращаясь в более высоких кругах в свободное от работы время, он постепенно пришел к важному решению. Только бы удалось достать для этого денег.

Он решил отправиться в Америку.

* Редингот — (от англ. riding-coat) пальто в талию, первоначально одежда для верховой езды.

В январе 1882 года Гамсун находился на пути в Гамбург, он был в числе тех 28 000 человек, которые ехали в Америку только в этом году. Судьба дала ему возможность испытать прославленную щедрость немцев по отношению к норвежским деятелям культуры.

Один знакомый снабдил Гамсуна рекомендательным письмом в одно из немецких пароходств. Он навсегда запомнил хороший прием, оказанный ему директором компании, и много лет спустя вспоминал: «Директор встретил меня весьма доброжелательно. Я рассказал ему, что я молодой неизвестный пока поэт, что я хочу отправиться в Америку чтобы достигнуть чего-то и что там у меня есть родственники. Я спросил, не мог бы он как-то помочь мне с дешевым билетом через океан... Я никогда не забуду этого человека. Он сидел напротив, пристально рассматривая меня. Потом спросил: «А где живет ваша родня в Америке?» — «В Эльрое», — ответил я. Я дам вам бесплатный билет отсюда до Америки и кроме того билет на поезд до Эльроя, — сказал он в конце разговора [...] Я неважно владел английским, но я по-

нял, что он делает это только из-за того, что я — молодой норвежский поэт»²².

В среду, первого февраля 1882 года, страдая от последствий морской болезни, он сделал первые неуверенные шаги по американской земле. В Нью-Йорке он сел на поезд и поехал в глубь огромной страны.

Оказавшись в Чикаго, он хвастается в своих письмах как бывалый путешественник, как будто он уже успел повидать весь белый свет с тех пор, как покинул Норвегию. Он тут же нашел редакцию газеты, издаваемой переселенцами из Скандинавии и предложил для печати несколько своих стихов²³. Редактор обещал напечатать большинство из них.

Уже с большим чувством уверенности в себе встретился Гамсун с одним американским профессором норвежского происхождения, который, как он надеялся, мог бы стать его наставником, встреча оказалась не очень удачной, и вскоре их отношения вовсе разладились.

Бросив беглый взгляд на принесенные самоуверенным литератором рукописи, профессор объявил: пропасть между амбициями и способностями была просто-таки непреодолима.

Встреча с братом, который жил в Америке уже в течение пятнадцати лет, лишила его многих иллюзий. Портновские дела у брата явно шли неважно. Он ездил по округе, держа феле* в одной руке, а в другой — смычок, из внутреннего кармана у него постоянно выглядывала бутылка спиртного. Шил он все более и более неряшливо. Жена и дети должны были сами заботиться о себе. Позднее это станет темой, к которой Гамсун постоянно возвращается в своих романах: как меняется образ жизни тех сельских жителей, кто эмигрировал или перебрался в большой город. Тех, кто пытался забыть о своем крестьянском происхождении и войти в иную, городскую среду, но не найдя там себя, и уже не имея ни сил, ни желания, ни возможностей вернуться обратно оставался вечно несчастным.

Он стал работать на ферме, но постоянно тосковал по дому. Он жаловался, что здешние англо-саксонские женщины не обращали на него никакого внимания. Положение улучшилось,

* Феле — норвежский народный инструмент, разновидность скрипки.

когда он стал работать у выходца из Германии. Хозяйство было ухоженным, а супруга фермера проявила по отношению к нему ту заботу, в которой он так отчаянно нуждался²⁴.

Вскоре он осел в маленьком городке Эльрое. Здесь он через какое-то время сблизился с крупным местным дельцом, который владел банком и руководил почтовой службой. Гамсун стал продавцом в его магазине, начал носить до блеска начищенные ботинки. Какое-то время он вздыхал о двадцатитрехлетней дочери одного норвежского эмигранта. Но как только она стала проявлять к нему интерес, на него как будто что-то нашло, и он повел себя странно. Ему нравилось, когда женщины показывали ему свое расположение, но не одной из них он не позволил бы захватить все его помыслы и речи — они принадлежали только ему.

Гамсун стал читать лекции, и первая лекция, которую он прочел в одно из воскресений в ноябре 1882 года в помещении одной из школ Эльроя, была посвящена Бьёрнстjerne Бьёрнсону. Двадцатитрехлетний юноша выступил с одобрением творческой и политической деятельности Бьёрнсона, но посетовал на то, что назвал его несчастьем — неверие. Неверие в рай, ад, и Божественную милость²⁵.

Гамсун прочел несколько лекций в разных эмигрантских сообществах. Он все меньше и меньше критиковал свободомыслие, и в конце концов, местный пастор стал отговаривать прихожан от посещения его лекций.

Это, конечно же, не способствовало успеху его лекторской деятельности.

Средства существования он зарабатывал служа в дневное время продавцом в магазине. Вечерами он старался сосредоточиться на своем творчестве, насколько это было возможно, в маленькой чердачной каморке, которую он делил с товарищем-американцем. Если слова не приходили, он начинал рисовать, если не было бумаги, он рисовал на стенах и потолке.

На одной из стен комнаты он прикрепил листок бумаги со своим профилем и следующим девизом: «Моя жизнь — это неустанный полет через многие земли. Моя религия — безудержное поклонение природе. Мой мир — эстетическая литература»²⁶.

Однажды поздно вечером товарищ Гамсуна вошел в комнату и увидел его спящим, рядом с кроватью на стуле стояла зажжённая лам-

па. Здесь же лежала сигара, нож и записка: «Закури сигару и вонзи нож в мое сердце. Сделай это быстро, решительно, как выражение дружеских чувств, если действительно питаешь их ко мне.

P. S. Эта записка послужит тебе оправданием в суде»²⁷.

Сосед Гамсуна по комнате не раз недоумевал, на самом ли деле Гамсун хотел смерти или просто шутил, ведь тот неоднократно обращался к нему с подобной просьбой, по-разному формулируя ее.

Кнут Гамсун, конечно же, не собирался покончить с собой. Он был движим неким религиозным бунтом, в котором вызов силам неба, а порой и ангелу смерти, были непереносимыми кощунственными элементами. Он уже давно отказался от жестокого карающего ветхозаветного Бога, перед которым его заставлял склониться дядя. А теперь пришел также черед сомнений в милосердии Бога Нового Завета, в милосердии Иисуса Христа, обращаться к которому в молитвах учила его мать. Своими религиозными сомнениями он делился с другим норвежцем, близким ему по взглядам Свенем Тверосом*, которому написал 29 февраля 1884 года: «Должен сказать тебе, что давно сомневаюсь в истинности всего ветхозаветного христианства»²⁸. При этом он не сообщил ему, что два дня назад с благодарностью принял предложение, приехавшего из Норвегии школьного учителя, писателя и друга Бьёрнсона, а ныне священника Кристофера Янсона** — стать его помощником и секретарем в унитаристской церкви, где последний служил.

Янсон увидел в судьбе молодого соотечественника, поселившегося у него на Николетт авеню в Миннеаполисе в доме № 2419, много общего со своей. В этом с ним была согласна и его жена Друде.

Гамсун прожил в доме супругов Янсон несколько лет. Друде являлась его квартирной хозяйкой, а хозяин дома — работодателем. Друде была страстной натурой. Когда они с Кнутом ока-

* Свен Тверос (1849—1941) — крестьянин, уроженец провинции Телемарк, эмигрировал в Америку, вместе с матерью владел усадьбой в штате Висконсин.

** Кристофер Янсон (1841—1917) — писатель-священник, унитарий, жил в США в 1881—1892. Его повестью из крестьянской жизни «Тургрим» Гамсун восхищался в молодости и упоминал в своем первом романе «Бьёргер» (1879). В течение некоторого времени Гамсун служил у Кристофера Янсона секретарем.

зывались наедине, она ясно показывала ему, что полна неудовлетворенных желаний.

Янсон часто бывал в разъездах. В его отсутствие Кнут и Друде подолгу беседовали и все больше открывались друг другу²⁹.

Янсон и его помощник прекрасно ладили между собой. Гамсун помогал вести переписку, а также в организации богослужений, читал лекции, немного переводил. Его познания в грамматике английского языка оставляли желать лучшего, а словарный запас был весьма скромным, так что из под его пера выходили иногда чудовищные фразы.

Дни напролет он проводил в библиотеке Янсона. Домашние часто видели его там и удивлялись его особому методу изучения книг. Редко можно было видеть его сидящим и внимательно читающим книгу. Вместо этого он мог часами стоять у книжных полок, доставая книгу за книгой и бегло просматривая. Когда Янсон и другие спрашивали его, нет ли у него желания более глубоко изучить текст, то он объяснял, что обладает особым даром немедленно схватывать содержание книги и проникать в замысел писателя.

Для писателя-священника Янсона главным в книгах было идеалистическое, возвышенное содержание, а для Гамсуна, который искал в книгах знания, расширения своих горизонтов, — совсем иное. И он, как никто другой, был способен воспринимать их эмоциональное содержание.

Его понимала Друде Янсон.

Она тоже работала одновременно над несколькими рукописями, при этом, как и он, ставя перед собой задачу передать эмоциональные состояния. Они так сблизились, что читали рукописи друг друга. Написанное Гамсуном произвело на нее неизгладимое впечатление, красочность описаний, чувство прекрасного — такого, по ее словам, она ни у кого не встречала. В то же время она советовала ему повременить и не публиковать книгу пока она не будет целиком закончена. Он последовал ее совету. Еще никогда в своей жизни он не встречал женщины, подобной Друде Янсон.

Дом на Николетт авеню часто бывал полон гостей. В его комнатах играли на музыкальных инструментах, велись беседы, дискуссии. Новичок сразу же обрел здесь подобающее ему место и стал центром всеобщего внимания.

Сам он жил весьма насыщенной жизнью. В течение целого дня — секретарь и помощник священника. Лектор. Душа кампании, пользующийся все большей и большей популярностью. Много общается с Друде. Пишет по ночам. Начинает страдать от постоянных простуд, его мучает кашель, часто бросает в жар...

Однажды, июньским вечером 1884 года, Гамсун вел аукцион на благотворительном базаре, во время которого он буквально корчился в приступах кашля. Кашель надрывал ему грудь. На носовом платке была видна кровь.

Друде Янсон настояла на том, чтобы его осмотрел врач. Когда, поправляя постельное белье она наклонялась над ним, он ощущал ее женский запах, видел ее шею. Ее налитые груди касались его, ее взгляд сводил с ума... Он лежал под одеялом почти обнаженный и чувствовал сильное возбуждение³⁰.

В свои двадцать четыре года он еще не испытал близости с женщиной. Мысль о том, что он умрет девственником, не давала ему покоя.

В городе был публичный дом, но он держался подальше от его обитательниц — у него не было ни желания, ни средств на продажную любовь. От разврата его удерживал также страх перед сифилисом. Теперь необходимости сдерживаться уже не было, ради чего?

Ему хотелось пойти в бордель, кричать от восторга, испустить дух во время любовного акта!

Кнут доверил свое последнее желание Друде. Она сказала, что понимает его. Ему удалось через посредника продать свои часы. Для поездки в бордель было необходимо заказать экипаж, так как Гамсун был слишком слаб, чтобы дойти туда. Но в назначенное утро экипажа он так и не дождался. К нему в комнату вошла Друде и сообщила, что отпустила экипаж...

Наступил вечер, а потом и ночь. Тридцатисемилетняя Друде, мать шестерых детей, все это время ухаживала за ним. В то утро, согласно письму Гамсуна своему другу Эрику Скраму, написанному четырем годами позднее, у него появилась возможность совершить грехопадение. Предложение было получено абсолютно недвусмысленное.

Но он не захотел. «Если бы она не сама предложила себя, а он бы умолял ее об этом, то сложно было бы ручаться за то, что могло произойти» — доверительно поведал он товарищу.

Был Иванов день, и Гамсун попросил Друде Янсон раздвинуть шторы, зажечь лампы, много ламп. Она сказала, что совершенно не понимает его и спросила, не сошел ли он с ума. Он сказал ей, что любит свет...

«Однажды ночью я поджег гардины», — признался Гамсун своему товарищу Эрику Скраму.

В конце июля 1884 года Гамсун возвращается в Норвегию через Нью-Йорк, Белфаст, Ливерпуль и Гюль. Добрая душа Кристофер Янсон приложил все усилия для того, чтобы собрать необходимую сумму денег на это длинное путешествие. Гамсуну исполнилось двадцать пять лет. Если ему суждено вскоре умереть, то лучше уж умереть, занимаясь творчеством у себя на родине.

В Кристиании его обследовали. Известный врач не сомневался, что он вполне может пережить зиму, а вот весна как раз может стать роковой. Доктор советовал пациенту воздерживаться от работы, избегать физических и интеллектуальных нагрузок, хорошо питаться, глубоко вдыхать сухой воздух, много отдыхать. Врач порекомендовал несколько хороших санаториев, где многим удавалось успешно избавляться от своих легочных хворей.

Но у Гамсуна не было средств. А некоторые из этих санаториев находились в Вальдресе, неподалеку от тех гористых мест, где он родился. И он решил отправиться именно туда.

Правда отдыхать ему не придется, ему необходимо работать, иначе не на что будет жить, и он умрет от голода или от холо-